

ВЕЛИКИЕ ПОЛКОВОДЦЫ

Герой Отечественной войны 1812 г., «проконсул» Кавказа, Алексей Петрович Ермолов был сыном эпохи величия и могущества России, породившей плеяду выдающихся российских мыслителей, ученых, полководцев, поэтов, смысл жизни которых состоял в служении Отечеству.

Это был, по словам А. С. Грибоедова, «сфинкс новейших времен» — сложная и противоречивая личность: человек сильной воли и независимых взглядов, не признававший авторитетов патриот, всегдашний оппозиционер власти и в то же время верный сын Отечества.

Эпоха формировала личность Ермолова — и сам он был одним из активных ее творцов.

Судьба Ермолова впечатляет. Сызмальства приписанный в Преображенский полк, 17-ти лет он уже сражался под началом Суворова. Но храбрость и смекалка юного офицера-артиллериста не спасли его от ссылки...

Освободил его Александр I, и с тех пор Ермолов самоотверженно служил царю во всех войнах — с Польшей, Пруссией, с Наполеоном. Под Аустерлицем Алексей Петрович заслужил военный орден Святого Георгия и чин полковника. В Бородинском сражении именно он фактически спас армию, отбив у французов батарею Раевского, остановив смятение в войсках и обороняя высоту, пока контузия не вывела его из строя.

Сам М. И. Кутузов отличал его, говоря: «Ермолов рожден командовать армиями», а солдаты просто обожали своего полководца.

И если начальство то благоволило своенравному генералу, то ополчалось на него, народная любовь оставалась неизменной.

Но и этим не исчерпываются способности и заслуги Ермолова. Одиннадцать лет правления Ермолова на Кавказе — это не только сила. Это дипломатия. Это авторитет. Это цивилизующая власть. А как иначе сумел бы он отучить местные племена от торговли заложниками? Как иначе удалось бы превратить крепость Кислую в первый кавказский курорт — Кисловодск?

Современники считали, что при всей своей славе и беззаветной преданности Отечеству Ермолов был недооценен при жизни. А. С. Пушкин просил у генерала позволения стать его биографом. «Подвиги Ваши — достояние Отечества, и Ваша слава принадлежит России», — писал он в письме к генералу.

Но великий русский поэт не успел составить жизнеописания великого русского полководца.

Попробуем же восполнить этот пробел...

Алексей Петрович
ЕРМОЛОВ

1777—1861

Алексей Петрович
ЕРМОЛОВ

ЗАПИСКИ РУССКОГО ГЕНЕРАЛА

Москва, 2020

Н. С. Лесков

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК*

Ермолов, как и современник его Милорадович, с которым он был почти одних лет, отличался необыкновенною храбростью, доброю, простотою и ласковостию в обращении с подчиненными и был таким же кумиром солдат и любимым народным героем; но по уму, способностям и развитию Ермолов стоит неизмеримо выше Милорадовича.

Ермолов, как и Милорадович, был образован очень поверхностно, но и в этом между ними двумя очень большая разница. Милорадовичу были даны все средства к образованию, но он сам не воспользовался этими средствами, да и вообще, как кажется, не особенно сознавал недостаток своего образования; Ермолов же был почти совсем лишен всех средств образовывать себя и всю жизнь тяжело сознавал этот недостаток и тяготился им бесконечно.

Оба героя, и Милорадович и Ермолов, симпатичны каждый по-своему; но Ермолов гораздо глубже и серьезнее. Симпатии, возбуждаемые его характером, гораздо солидней симпатий, порождаемых романтически-рыцарственным Милорадовичем. Алексей Петрович Ермолов особенно привлекателен оригинальностью и глубиною своего ума, широтою своего взгляда и меткостью суждений, указывавших в нем человека совсем не дюжинного — человека, отмеченного самою природою, человека, которого умный Кутузов справедливо называл орлом, а лейб-медик Вилие** характеризовал, как «*homme aux grands moyens*»***.

* Очерк впервые опубликован 9 декабря 1869 г. в Петербургской газете «Биржевые ведомости»; 3 декабря там же бы напечатан очерк Лескова о знаменитом генерале графе М. А. Милорадовиче. (*Здесь и далее примеч. ред., если не указано иное.*)

** Яков Васильевич Вилие, или Вилье (1768—1854), известный врач, в 1812 г. — главный военно-медицинский инспектор русской армии.

*** Человек с большими возможностями (*фр.*).

Михаил Андреевич Милорадович
(1771—1825)

Военную карьеру Милорадович начал во время Русско-шведской войны 1788—1790 гг. и к 1796 г. стал капитаном.

В Бородинском сражении он командовал правым крылом 1-й армии. Был назначен М. И. Кутузовым начальником арьергарда и обеспечивал отход русской армии в Тарутино. При наступлении русских войск командовал авангардом, став одним из любимейших командиров, кумиром солдат и народным героем. Во время Заграничного похода русской армии в 1813—1814 гг. участвовал в наиболее опасных сражениях и был награжден Александром I титулом графа и орденом Святого Андрея Первозванного.

С 1818 г. Милорадович был военным губернатором Петербурга. Состоял в тесной дружбе со многими декабристами; в 1825 г. именно он пришел на Сенатскую площадь уговорить войска присягнуть царю, — и был смертельно ранен: пулей Каховского (в спину) и штыком князя Оболенского.

Служебный путь Ермолова далеко не был усыпан розами, но на нем, наоборот, было набросано много терний. Служебным его неудачам немало способствовало его несомненное превосходство, которого никогда не сносит окружающая посредственность, а частью Ермолову вредил много его злой и как бритва острый язык, которым крутой генерал беспощадно казнил смешные и слабые стороны своих недоброжелателей.

Алексей Петрович Ермолов родился в Москве 24 мая 1777 года.

Отец его был небогатый помещик Орловской губернии, где и служил, между прочим, председателем гражданской палаты, а в последние годы царствования императрицы Екатерины II управлял канцеляриею графа Самойлова*.

Мать Алексея Петровича, Мария Денисовна Давыдова, родная тетка известного партизана и поэта Давыдова, была в первом браке за Каховским, и от этого брака у нее был сын Александр**. Оба ее сына как бы с самым материнским молоком всосали способность не мириться ни с чем низменным по натуре. Мать Алексея Петровича, по выражению одного близкого ее знакомого, «до глубокой старости была бичом всех гордецов, взяточников, пролазов и дураков всякого рода, занимавших почетные места в служебном мире».

Первым учителем А. П. Ермолова был крепостной дворовый человек, по имени Алексей, который по букварю и с знаменитою указкою учил грамоте будущего великого полководца.

* Александр Николаевич Самойлов (1744—1814) — племянник Григория Потемкина, назначенный в 1792 г. генерал-прокурором Правительствующего сената и государственным казначеем.

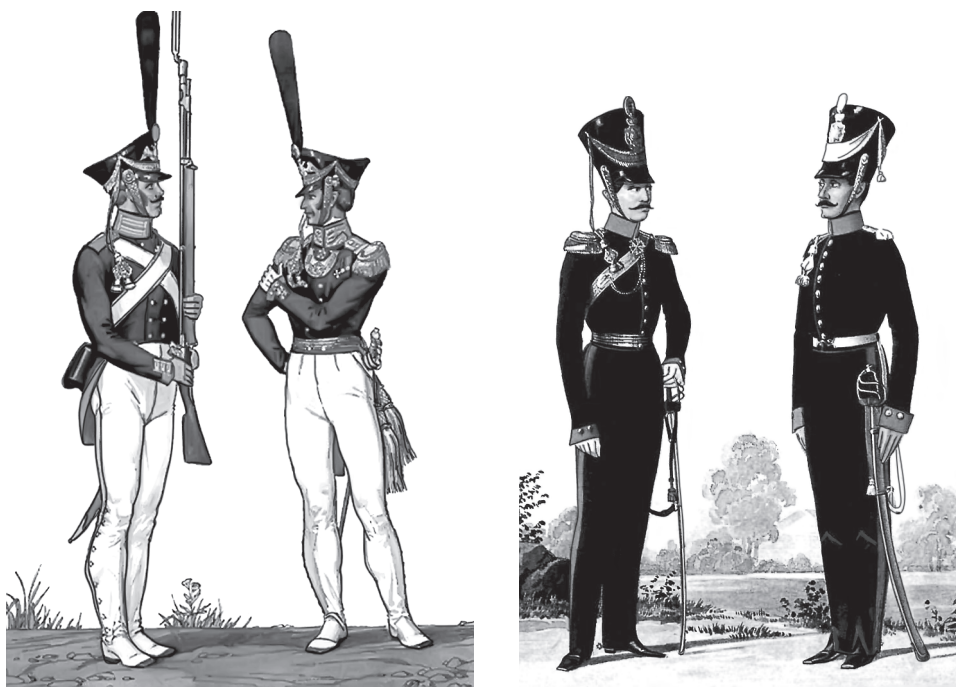
** Александр Михайлович Каховский (1768—1827), служил в штабе А. В. Суворова. За создание тайного общества — смоленского офицерского кружка — был заключен в Петропавловскую, а затем в Динабургскую крепость. Освобожден только после смерти Павла I.

Отец Ермолова был слишком занят службою, чтобы заниматься сыном; сведущего учителя, которые были тогда и редки и дороги, он не мог ему нанять по недостатку средств, а потому и поместил его сначала в семейство своего родственника, орловского же помещика Щербинина, а потом в дом Левина. Отеческие же заботы о воспитании сына ограничивались тем, что он с малолетства твердил ему о необходимости усердной и ревностной службы.

Неопределенность положения Алексея Петровича Ермолова в семье его родственников заставила отца его отправить сына в Москву, в университетский благородный пансион, где он и был сдан на руки профессору Ивану Андреевичу Гейму*.

Образование, стоявшее в то время вообще на низкой ступени, в последние годы царствования Екатерины приняло еще более ложное направление от нашествия в Россию иностранцев, и в особенности французов. Из всех тогдашних преподавателей не много таких, которых нельзя было, по всей справедливости, назвать шарлатанами или невеждами.

— Бедное состояние семьи моей, — говаривал Ермолов, — не допустило дать мне нужное образование. Вознаградить впоследствии недостатка знаний не было времени. (Хотя, добавим от себя, Алексей Петрович Ермолов читал очень много и обладал начитанностию довольно замечательною.)

Российская военная форма начала XIX в.

*Рядовой и штаб-офицер лейб-гвардии Преображенского полка (слева);
штаб-офицер и рядовой Нижегородского драгунского полка (справа)*

* Иван Андреевич Гейм (1758—1821) — профессор Московского университета.

Николай Николаевич Раевский
(1771—1829)

Генерал от кавалерии Раевский — прославленный герой войны 1812 г. (борьба за батарею Раевского — один из ключевых эпизодов Бородинского сражения), участник «битвы народов» и взятия Парижа. Член Государственного совета. Был близко знаком со многими декабристами. Дружбой с Раевским гордился А. С. Пушкин.

был двадцатилетний племянник шефа полка, графа Самойлова, Н. Н. Раевский, прославившийся впоследствии в войну 1812 года.

В бытность свою в этом полку Алексей Петрович познакомился несколько с артиллериею. При полке находились полковые пушки, имевшие, как у дяди юного Гамлета, одно специальное назначение, стрелять «в знак осушения бокалов»**. Раевский возымел мысль дать им более целесообразное назначение: он переделал лафеты и переменял расчет прислуги. За всем этим Ермолов тщательно следил и приспособлялся, но едва только он стал привыкать к фронтальной службе, как вдруг был вызван опять в Петербург по случаю назначения его адъютантом к графу Самойлову.

В Петербурге молодой и красивый адъютант встретил радушный прием. Наружность Алексея Петровича, прекрасная, одухотворенная, внушительная

— Шарлатаны, — говаривал он также, — учили взрослых, выдавая себя за жрецов мистических таинств; невежды учили детей, и все достигали цели, то есть скоро добывали деньги. Между учителями были такие, которые, стоя перед картою Европы, говорили: *Paris, capitale de la France cherchez, mes enfants!** — потому что сам наставник не сумел бы сразу ткнуть пальцем в свой Париж.

Когда по окончании курса учения пятнадцатилетний Ермолов явился в Петербург в чине сержанта Преображенского полка, то, поступив на действительную службу, он по недостатку денег не в силах был тянуться за прочими гвардейскими офицерами, державшими и экипажи и огромное число прислуги, а потому стал искать для себя другого рода службы. 1 января 1791 года Ермолов был выпущен капитаном в Нижегородский драгунский полк, слава которого впоследствии гремела на Кавказе в течение целого полувека. Ермолов тотчас же отправился в Молдавию, где стоял тогда этот полк. Командиром полка в то время

* Париж, столица Франции... ищите, дети мои! (*фр.*)

** О счете наших здравец за столом
Пусть облакам докладывает пушка.
И гул небес в ответ земным громам
Со звоном чаш смешается.

В. Шекспир. «Гамлет» (акт I, сц. 2). Пер. Б. Пастернака.

и до самых преклонных дней его старости удерживавшая на себе внимание мужчин и женщин, тогда, в пору его расцвета, привлекала на него всеобщее внимание: он был высокого роста и отличался необыкновенною физическою силою и крепким здоровьем. Его большая голова, с лежащими в красивом беспорядке волосами, маленькие, но пронизательные и быстрые глаза делали его похожим на льва. Взгляд его, в особенности во время гнева, был просто страшен: из глаз его буквально сверкали молнии. Горцы говорили впоследствии о Ермолове: «Горы дрожат от его гнева, а взор его поражает на месте, как молния».

Как человек домашний у графа Самойлова, Алексей Петрович был членом высшего петербургского общества и каждое утро слыхивал самые откровенные и бесцеремонные отзывы, как нынче говорят, «высокопоставленных лиц», которые по вечерам наполняли зал у Самойлова и которых там, словно всерьез, просили «принять дань якобы подобающего им глубочайшего почтения». Шестнадцатилетний юноша присматривался не только к тем, которых осмеивали заочно, но и к тем, кто осмеивал их, и по врожденной ему пронизательности угадывал все нравственное ничтожество среды, в которой вращался. Прошло очень немного времени, и Алексей Петрович стал открыто относиться к этим людям с едким сарказмом, ирониею и насмешками, что, разумеется, очень скоро наплодило ему врагов. Алексей Петрович Ермолов терпеть не мог немцев и, по-видимому, беззлобно, но непереносно проходилась на их счет, где только к тому представлялся хоть малейший повод. Остроты, которыми Алексей Петрович осыпал немцев, переходили из уст в уста и, конечно, многим не нравились, а «немец немцу, по пословице, всюду весть подавал», и покойный Ермолов под старость не раз говорил шутя: «Нет, господа русские, если хотите чего-нибудь достичь, то наперед всего проситесь в немцы».

Ермолов не мог увлекаться светскою жизнью; он беспрестанно занимался военными науками и назойливо просил графа Самойлова зачислить его в артиллерию, что наконец и было исполнено.

Восстание в Польше оторвало Алексея Петровича от его научных занятий: он участвовал в этой кампании и получил орден Св. Георгия за штурм Праги*.

В следующем году он был отправлен за границу, в Италию, где, будучи прикомандирован к главной квартире австрийского главнокомандующего, участвовал в войне австрийцев с французами. Едва только он успел вернуться в Россию, как в 1796 году принял участие в новом походе персидском, под предводительством графа Валерьяна Зубова**.

Начавши службу так удачно, Алексей Петрович с шестнадцати лет приобрел самостоятельность и репутацию, которые сулили ему блестящую будущность. Но судьба неожиданно подставила ему ногу.

Смоленский губернатор сделал донос на Каховского, брата Алексея Петровича по матери. Тот был взят по этому доносу под арест, а вместе с ним был арестован и Ермолов: его взяли и отвезли в Калугу.

* Правобережное предместье Варшавы, где поляки оказали особенно ожесточенное сопротивление.

** Валерьян Александрович Зубов (1771–1804) — русский генерал, брат известного государственного деятеля П. А. Зубова (1767–1822), фаворита Екатерины II.

Иосиф Хельмонский. Восстание в Польше. Молитва перед битвой.
1906 г.

В 1794 г. на территории Речи Посполитой, включавшей в то время часть современных польских, белорусских, украинских и литовских земель, вспыхнуло восстание под предводительством Тадеуша Костюшко. Его участники, вдохновленные идеями Великой французской революции 1789—1794 гг., пытались противостоять исчезновению Речи Посполитой как самостоятельного государства.

В октябре 1794 г. под Мацевеице отряды Тадеуша Костюшко потерпели поражение в битве с армией генерала

Суворова, а раненый Костюшко попал в плен. После этого восстание начало угасать и прекратилось 9 ноября после капитуляции Варшавы.

Развитие событий предопределило окончательный раздел Речи Посполитой. В октябре 1795 г. в состав России вошли почти вся территория Беларуси, большая часть литовских земель и Курляндия. Пруссия захватила часть польских земель, западную часть литовских и небольшую полосу белорусской территории (западнее Гродно и Волковыска).

Но чуть только Ермолов явился в Калугу к губернатору, ему было объявлено всемилостивейшее прощение государя и возвращена шпага. Тем не менее, однако, Ермолов счел себя всем этим крайне оскорбленным и требовал от генерала Линденера объяснений, которых тот ему, разумеется, не дал, но зато тотчас же секретно донес о нем как «о человеке неблагонадежном». Последствием этого нового доноса было то, что за Ермоловым в Калугу был прислан из Петербурга курьер, который и отвез его прямым трактом в Петропавловскую крепость, где Ермолов потонулся под стражею, а затем он был сослан в Кострому.

Там он нашел другого изгнанника, Платова*, впоследствии графа и атамана Войска Донского.

* Матвей Иванович Платов (1751—1818) — прославленный русский генерал, атаман Донского казачьего войска. При Павле I по доносу был арестован, сослан в Кострому, а затем заключен в Петропавловскую крепость; вскоре был освобожден и возвращен на службу.

В ссылке Ермолов пробыл целых три года, и это время далось ему нелегко. Он был исключен из службы и потерял из виду всех родных и брата своего, Каховского. Знакомые и приятели за немногими исключениями отреклись от него и даже не отвечали на его письма. Таков свет, таковы люди!

Сильный волею, энергический Ермолов, однако, не пал духом от всех этих передраг. От нечего делать он принялся за изучение латинского языка у протоиерея Груздева, читал и переводил Юлия Цезаря и, кроме того, стал учиться играть на кларнете. По восшествии на престол императора Александра I он был освобожден вместе со всеми лицами, замешанными в деле Каховского. Тогда Ермолов приехал в Петербург, но там уже выступили на сцену новые лица и новые интересы, среди которых он был чужим на пиру. Генерал Ламб, президент Военной коллегии, впрочем, взялся по старому знакомству хлопотать об Ермолове.

После долгих хлопот и не прежде, чем, по выражению Ермолова, «он наскучил всему миру секретарей и писцов», являясь ежедневно в Военную коллегию, Ермолов был принят тем же чином на службу в 8-й артиллерийский полк и получил роту, квартировавшую в Вильне.

Время, проведенное Алексеем Петровичем в ссылке, отразилось навсегда на его характере неизгладимыми чертами. Он стал сосредоточен, задумчив и полюбил уединение.

«Я редко или почти никогда весел не бываю, сижу один дома, — писал он одному из своих друзей. — Я сыскал себе славного учителя на кларнете и страшно надуваю, и по-латыне упражняюсь».

Кроме того, аресты и ссылка развили в нем мнительность, и всякая безделица беспокоила его и заставляла страшиться новых неприятностей в том же знакомом роде. Вот один интересный случай, который рассказывает г. Дубровин. Один из офицеров Алексея Петровича проиграл 600 рублей казенных денег. Ермолов тотчас же арестовал его, взыскал деньги с выигравших и, уступив просьбам, а главное, «избегая случая сделать человеку несчастье, сам собою испытавши, сколько тягостно переносить оное», согласился скрыть это дело и не доносить начальству о проступке офицера. По частному письму его к начальнику офицер был переведен по неспособности в Кизлярскую гарнизонную роту. Офицер обиделся за то, что его признали неспособным, и решил лучше во всем признаться. Ермолов страшно встревожился; ему мерещились всяческие беды за сокрытие преступления подчиненного, и он не прежде успокоился, как тогда, когда офицер согласился не поднимать этого дела и ехать в Кизлярский гарнизон.

«Страшно боюсь я хлопот, — писал он по этому поводу к своему другу, — трехлетнее несчастье сделало меня робким».

Отсталое и почти запечатное положение по службе ужасно тяготило Ермолова. Благодаря всему с ним случившемуся прежние товарищи обогнали его в чинах, а ему приходилось прозябать в неизвестности и относительном бездействии.

Не имея ничего определенного в виду, он бросался из стороны в сторону: то хотел перейти в инженеры и сопровождать генерала Анрепа на Ионические острова, то хлопотал о переводе в казаки. (Тогда же, вероятно, ему пришла и комическая мысль «проситься и в немцы», но тогда ему было не до шуток, к которым он нисходил порою в веселые минуты в старости.) Словом, Ермолов просил отправить его куда-нибудь, выискать для него

Роман Карлович Анреп-Эльмпт
(1756—1807)

Российский генерал, находившийся в 1801 г. со своей дивизией на Ионических островах, откуда в 1805 г. переправился в Неаполь для совместных с неаполитанцами и англичанами действий против французов.

После Аустерлицкого сражения был отозван в Россию, а в 1806 г., находясь в составе корпуса графа Буксгевдена, принимал участие в авангардных боях. В сражении при Морунгене 13 (25) января 1807 г. был послан с конницей на помощь генералу Маркову, теснимому Бернадотом. Убит во время осмотра позиции.

вашего не видал я ни разу ни в реляциях, ни в газетах, которые наполнены генералами Винценгероде, Тетенборном, Бенкендорфом и пр. и пр.».

Начальство не любило Ермолова за независимый, гордый характер, за резкость, с которою он высказывал свои мнения; чем выше было поставлено лицо, с которым приходилось иметь дело Ермолову, тем сношения его с ним были резче, а колкости ядовитее.

Известен ответ его Аракчееву на замечание последнего, что лошади его роты дурны: «К сожалению, ваше сиятельство, участь наша часто зависит от скотов».

Когда Ермолов был еще полковником, то один из генералов сказал: «Хоть бы его скорее произвели в генералы, авось он тогда будет обходительнее и вежливее с нами».

Однажды во время кампании 1812 года Барклай де Толли приказал образовать легкий отряд. Ермолов назначил Шевича начальником отряда, в состав которого вошли казаки, бывшие под начальством генерала Краснова.

какой-нибудь подвиг, а не то, писал он, «завалешься полуполковником; русская пословица: не все хлыстом, иногда и свистом — вот мое правило с давнего уже времени».

Война 1812 года выдвинула Ермолова вперед. Еще в 1806—1807 годах Алексей Петрович составил себе известность храброго и замечательного офицера. Он, как говорят, создал артиллерийский строевой устав. Каждое действие Алексея Петровича в бою становилось потом тактическим правилом для артиллерии; он дал ей практические правила построения батарей. Солдаты, смотря на роту Ермолова, выезжавшую на позицию, и на храброго ее командира, бывшего всегда впереди, говаривали: «Напрасно француз порет горячку, Ермолов за себя постоит». Ермолов стал любимцем войска, кумиром офицеров и рыцарем без страха и упрека для народа, несмотря на то, что начальство, за исключением Кутузова, большею частью неблагоклонно и несправедливо относилось к нему, как будто не замечало его подвигов, и до такой степени умалчивало о них в реляциях, что отец Ермолова, к которому обратился один из почитателей его сына с просьбою выслать его портрет, прославляя его как любимого народного героя, отвечал: «Подвигов героя

Шевич оказался моложе Краснова. Платов, как атаман, вступился за своего подчиненного и просил Ермолова разъяснить ему: давно ли старшего отдают под команду младшего, и притом в чужие войска?

— О старшинстве Краснова я знаю не более вашего, — отвечал Ермолов, — потому что из вашей канцелярии еще не доставлен список этого генерала, недавно к нам переведенного из Черноморского войска. Я, вместе с тем, должен заключить из слов ваших, что вы почитаете себя лишь союзниками русского государя, но никак не подданными его.

Кзаки обиделись таким ответом, и правитель дел атамана продолжал возражать Ермолову.

— Оставь Ермолова в покое, — отвечал Платов, — ты его не знаешь: он в состоянии с нами сделать то, что приведет наших казаков в сокрушение, а меня в размышление.

Но, будучи резок и даже дерзок с высшими, Ермолов был обходителен и вежлив с низшими. Он умел ценить заслуги и до конца дней своих оставался лучшим ходатаем и защитником своих подчиненных. «Ты не худо делаешь, что иногда пишешь ко мне, ибо я о заслугах других всегда кричать умею», — писал он Денису Давыдову, и имел право говорить таким образом. Будучи еще подполковником и командуя ротой, Ермолов поминутно просит то за фельдфебеля, то за рядового, постоянно предлагал разные меры к улучшению их положения и, сознавая сам, что надоедает своими просьбами, все-таки слал письмо за письмом с просьбою то о том, то о другом из своих подчиненных.

Наскучив неблагодарною службою, на которой все усердие его и все подвиги его никогда по заслугам не оценивались, Ермолов в ноябре 1815 года вышел в отставку и, сдав в Познани свой корпус генерал-лейтенанту Паскевичу, отправился в Россию и поселился в Орловской губернии, в имении старика отца, считая свою службу оконченною. Но назначение его главнокомандующим на Кавказ, которым он был очень доволен, призвало его к новой деятельности, которая еще более прославила его имя, если только его можно было прославить более славно, чем оно было прославлено в нашем войске и в нашем народе, знающем и величающем Алексея Петровича Ермолова едва ли не более всех отечественных полководцев.

Славу его протрубили не пристрастные газеты, не реляции, которые пишутся в главных квартирах и возвещают то, что желательно оповестить главной квартире, — славу его пронесли во всю Русь на своих костылях и деревяшках герои-калеки, ходившие с Алексеем Петровичем и в огонь и в воду и после за мирным плетением лычных лаптей повещавшие «черному народу», как «с Ермоловым было и умирать красно».

Русская публика, без сомнения, будет очень благодарна г. Дубровину за его попытку воспроизвести некоторые черты из жизни недавно почившего истинного народного русского героя, и доказательством этой благодарности в настоящее время до некоторой степени может служить довольно общее внимание печати ко всему рассказанному о Ермолове г. Дубровиным. Но во всяком случае сказание это опять еще далеко не удовлетворяет бездны вопросов, поставленных русской любознательности многозначащею личностью Алексея Петровича и странною его судьбою, которую унаследовали за ним и некоторые другие, про которых где-то сказано стихами:

*Послать туда таких-то,
Авось их там убьют!*

*Дж. Доу. Портрет А. П. Ермолова.
Не позднее 1825 г.*

**Унтер-офицер
пешей артиллерии
(1809—1810)**

Карл Карлович Штейбен.
Граф Рымникский, князь Италийский,
генералиссимус А. В. Суворов. 1815 г.

А. О. Орловский. Резня в Праге.
1810 г.

Жан Луи Вуаль.
Портрет Валериана Зубова.
1792 г.

Крепость в Дербенте